

20. РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 22408. О приглашении митрополита греко-унитского Булгака во Дворец к обеденным столами о всемилостивейшем пожаловании его кавалером ордена св. Анны 1-й степени.

21. Шабатин, И. Из истории воссоединения белорусских униатов / И. Шабатин // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – № 8. – с. 37–49; 1951. – № 2. – с. 35–47; № 6. – с. 59–63; № 10. – с. 47–54; № 11. – с. 51–60.

22. Harasiewicz, M. Annales Ecclesiae Ruthenae / Harasiewicz, M. – Leopoli : Typis institute rutheni Stauropigiani, 1862. – 1184 s.

23. Kołbuk, W. Kościoły wschodnie w Rzeczypospolitej około 1772 roku / W. Kołbuk. – Lublin : Instytut Europy Środkowo Wschodniej, 1998. – 460 s.

24. Likowski Edward, biskup. Unia Brzeska (r 1596) / biskup Edward Likowski. – Warszawa, 1907. – 355 s.

25. Likowski, Edw. Dzieje Kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku, uważane głównie ze względu na przyczyny jego upadku / Edw Likowski. – Poznan, 1880. S. 243

26. Mironowicz, A. Diecezja białoruska w XVII i XVIII wieku / A. Mironowicz. – Białystok: Wydawnictwo uniwersytetu w Białymstoku, 2008. – 351 s.

27. Radwan, M. Carat wobec kościoła greckokatolickiego w zaborze Rosyjskim 1796–1839 / M. Radwan. – Roma; Lublin : Polski instytut kultury chrześcijańskiej, 2001. – 504 s.

28. Solovij, M.M., OSBM. De reformatione liturgica Heraclii Lisowskyj archiepiscopi Polocensis (1784–1809) / M.M. Solovij, OSBM // Analecta OSBM – Series II. – Sectio I, Vol. II). – Romae : ex Pontificio Instituto Orientalium Studiorum, 1950. – 128 s.

ПОНЯТИЕ О «ГОСПОДСТВЕННОЙ» ВЛАСТИ СВЯЩЕННИКА У СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО

*Священник Алексей Черный
(Москва, ПСТГУ)*

Современную религиозную ситуацию нередко представляют как кризис религиозного лидерства. В частности, богословские проблемы современного католического священства во второй половине XX в. становятся популярной темой у исследователей. В отличие от Востока, на Западе история священства была наиболее драматичной и нередко предстает в литературе как история клерикализации и деклерикализации.

Свт. Димитрий Ростовский стал первым святым, канонизированным к общерусскому почитанию в Синодальный период [2, с. 336–337], до сих пор он считается одним из самых выдающихся русских духовных писателей, педагогов и проповедников. В Эпоху, свидетелем завершения которой он стал, Церковь по отношению к государству в целом пользовалась свободой управления, материальным обеспечением, была крупным землевладельцем и оказывала значительное влияние на государственную и общественную жизнь. Духовенство во многом было освобождено от государственных сборов (тягла), повинностей и суда. Служение священников имело самостоятельную ценность безотносительно к пользе государства.

Несмотря на то, что наследственность духовного звания была распространена еще в XVI в., [4, с. 5–6.] до реформ Петра Русь не знала сословий, т. е. отдельных групп населения, которые различаются между собой наследственными правами и обязанностями, установленными государственной властью [1, с. 606]. Нередко священники избирались местной церковной общиной [9, с. 32]. Также, в отсутствие строго регламентированной приходской системы прихожане были свободны в выборе духовника, что обуславливало ключевую роль «покаяльной семьи», отношения внутри которой простирались далеко за пределы границ прихода [9, с. 97–99] и не предусматривали вмешательства церковной или светской власти [9, с. 63]. Эта ситуация возникла, с одной стороны, под воздействием монастырского старчества с обычаем беспрекословного послушания и отречения от своей воли, а с другой – традиций и юридической практики русской жизни, прежде всего, семейной. По аналогии с обыкновенной семьей, «покаяльная семья» подразумевала безусловное послушание главе и близкий к родственным характер отношений. При этом запрещался, а позднее крайне не приветствовался переход от одного духовника к другому [9, с. 52–55]. Почтение к духовнику должно было превосходить почтение к родному отцу, а тот, кто не слушает своего духовного отца, объявлялся даже «чуждым самого христианства» [9, с. 44]. Духовник часто знал своих духовных детей с самого раннего возраста и, в случае рукоположения кого-либо из них в священник сан, исполнял роль поручителя.

Между тем, нельзя не отметить, что как интеллектуальный и нравственный уровень духовенства, так и религиозная жизнь паствы были весьма далеки от идеала и требовали исправления «многих нестроений и великой в делах его скудости» [4, с. 5–6]. Школ было крайне недостаточно, подготовка кандидатов была минимальной и почти целиком концентрировалась вокруг самого процесса рукоположения. С другой стороны,

в результате реформ патриарха Никона и последующей борьбы со старообрядческим расколом духовенство во многом утратило свое положение «учительного сословия», что отчасти оправдывало в глазах народа и самого духовенства последовавшее в дальнейшем вмешательство царя. Источники и исследования отмечают массу пороков, присущих духовенству эпохи свт. Димитрия – оно было невежественным, отличалось грубостью нравов [6, с. 30–34], небрежно исполняло священнические обязанности, страдало от пьянства [14, с. 294–295; 9, с. 96]. Как писал Знаменский, «среди крайнеобрядового характера нашей старинной религиозности, оно развивало в себе исключительно одно обрядовое значение класса требоисполнителей, а свое духовное, собственно пастырское, нравственно-просветительское значение сознавало весьма слабо и редко, и потому легко привыкло смотреть на свое служение как на ремесло, источник содержания, доходную статью» [4, с. 8]. Все это во многом приводило к утрате священниками авторитета и уважения паствы.

Взойдя на Ростовско-Ярославскую кафедру в 1702 г., свт. Димитрий – один из самых образованных русских архиереев – энергично взялся за исправление нравов духовенства, и посвятил этому все свои силы и таланты. Важно учитывать, что он был выходцем из Киево-Братской коллегии, в которой, в первую очередь, под влиянием католичества, был сформирован достаточно цельный взгляд на подготовку и служение приходского священника [5, с. 85]. С самого начала своего служения на Ростовской кафедре он озаботился образованием кандидатов в клир, организовав грамматическое училище, дававшее для своего времени довольно высокое образование. Здесь изучали славянскую грамматику, греческий и латинский языки, а число учащихся доходило до 200 [14, с. 329]. Характерно, что митр. Димитрий Ростовский не стремился подчеркнуть сословную выделенность духовенства и отгородить его от мирян: в Ростовское училище могли поступать и проходить бесплатное обучение выходцы из разных чинов и сословий [14, с. 229–230], хотя именно для детей духовенства обучение было обязательным [14, с. 329]. К сожалению, просуществовало училище всего несколько лет: финансовые трудности, возникшие после возрождения Петром Первым Монастырского приказа, привели к его закрытию в 1706 г.

Самое известное и часто издаваемое, хотя и не оконченное, произведение Димитрия Ростовского – «Келейный летописец», в котором он попытался совместить свод нравственных поучений с исследованием по хронологии с изложением библейской и гражданской истории. Здесь свт. Димитрий кратко излагает и толкует ветхозаветную историю, проводя

аналогии с современными ему реалиями. Ветхозаветных священников он осмысляет как носителей образа Христа. Первыми такими священниками он называет Авеля, поскольку он «приносил Богу благоугодные жертвы» [13, с. 56] и священника Мелхиседека [13, с. 57]. Прямой аналогии с христианским священством в этом случае не проводится. Только в конце «Летописца» святитель Димитрий упоминает о том, что христианский священник должен «всегда и во всем носить на себе и нелицемерно являть собою образ смирения Христова» [13, с. 48]. Ветхозаветные аналогии активно используются святителем и в поучениях и проповедях. Здесь, рассуждая на различные темы, Димитрий Ростовский по большей части рисует образы ветхозаветных жертвоприношений и священнодействий [12, с. 97], которые совершают священники. Строго говоря, при изложении своих взглядов на пастырское служение Димитрий Ростовский совершенно равноценно использует ветхозаветные и новозаветные примеры (Тит. 1,9; 2 Тим 4,2; 1 Кор. 9,16), что вероятно свидетельствует о стремлении показать в своем труде единство священной истории [Письмо 16. К митрополиту Стефану (Яворскому)]. Тем не менее, при описании священства ссылки на Ветхий Завет явно доминируют. В большинстве случаев Димитрий Ростовский напрямую характеризует христианское священство при помощи ветхозаветных примеров. Так, праотец Сим называется в «Келейном летописце» «образом священнического чина, который принимает себе славу, служа Богу и прославляя Его» [13, с. 58]. По примеру ветхозаветных жертвоприношений христианские священники приносят в жертву Богу молитвы о людях [Там же]. Рассуждая о ветхозаветном обычае платить десятину, который «из ветхого закона перешел и к христианам» [Там же], он называет священника «духовным воином», который «ополчается за верных против невидимого супостата» [Там же]. Поэтому ему «подобает питаться от людей», подобно тому, как жители обязаны содержать воинов, несущих службу [Там же]. Толкуя Быт. 27.4, святитель называет священников «отцами народа, пастырями, учителями, молитвенниками и благословителями, подающими духовные блага людям Божиим, своим детям духовным» [13, с. 62], в связи с чем они по праву могут требовать от них себе пропитания. В нескольких местах свт. Димитрий напрямую утверждает: «все ветхозаветное было прообразованием новоблагодатного; и ветхозаветное священство было прообразом нашего священства» [Там же; 12, с. 207]. Типичной для «Келейного летописца» является следующая логика: «если такими были пастыри в Ветхом Завете, то тем более ныне в новой благодати пастыри должны быть не только учительными словом, но и добро-

детельными по жизни, быть по сердцу Божию, исполняя все хотения Его, соблюдая заповеди по сердечной любви к Нему» [13, с. 47]. Исходя из этого, свт. Димитрий переносит требования, предъявляемые к ветхозаветным священникам, на священников христианских. Это касается как внешнего облика священников, так и их образа жизни и обязанностей. Рассуждая о том, «каким подобает быть пастырю» [13, с. 73], Димитрий Ростовский толкует книги пророков Иеремии (в первую очередь, Иер 3,15), Малахии (Мал. 2,7), Осии (Ос. 4,6), Исаии (Ис. 58,1), Иезекииля (Иез. 3,18; 34, 2–5, 7–10). При этом в «Келейном летописце» очевидным образом доминирует тезис о том, что «прежде всего пастырю подобает быть разумным и учительным» [Там же]. Святитель говорит: «обязанность пастыря, прежде всего, заключается в том, чтобы поучать полезно, уничтожая человеческие грехи и наставляя на путь спасения» [Там же]. Он утверждает, что на первом месте в числе дарований Святого Духа, которыми обладает священство, стоят «духовная премудрость и смысл» [Там же]. Поэтому священник, по мысли святителя, должен хорошо знать Священное Писание, быть мудрым проповедником и учителем веры, быть способным защитить христианское учение от еретиков (в первую очередь, конечно, старообрядцев) [Там же]. В другом своем известном противостарообрядческом сочинении «Розыск о Брынской вере...» свт. Димитрий настаивает на том, что действительность таинств не зависит от чистоты жизни священника, их совершающего [10, с. 510–516], по той причине, что, в отличие от ветхого завета, в Новом Жертва выше ее приносящего [10, с. 512]. В полемике со староверами, у которых учили не только не рукоположенные и неграмотные мужики, но и женщины, он подчеркивает, что истинное учение может исходить только из уст «истинного учителя» – т.е. освященного «от Церкви во учительский сан поставлену» [10, с. 92–93], «словом разумнаго и житием непорочнаго и святого» [10, с. 97].

Помимо учительских обязанностей священника, святитель Димитрий развивает важный тезис о том, что «желание священства – это желание мученичества» [13], пастырское служение осмысляется им как добровольное мученичество. Священник должен быть «всегда готовым положить свою душу за Христа и Христову Церковь» [13]. Димитрий Ростовский подчеркивает, что священство, в отличие от прочих видов деятельности, сопряжено с полной самоотдачей и тяжелыми трудами: «каждый из пастырей должен быть... трудолюбивым в чине своем как вол» [Там же]. «Во всем пастырю предстоит труд не малый: труд в отыскании заблудшего, труд в поднятии павшего, труд в уврачевании язвенного, труд в ношении немощей и бремени обремененного, труд в том, чтобы исторгнуть похищенную

волком овцу из самых зубов звериных и представить ее в целости Христу; с трудом сопряжено и то, чтобы и во внешних нуждах подавать руку помощи обиженным, защищать невинных, заботиться об убогих и нищих и исполнять другие обязанности церковного управления, – все эти труды должен подъять на себя пастырь. И горе тому пастырю, который... подобающего ему труда не подъяет!» [Там же]. Эти слова святитель подтверждает примерами отказа некоторых раннехристианских святых от пастырства как от непосильного бремени. Особенностью является то, что, с его точки зрения, пастырское служение неразрывно связано с активной социальной помощью, которая должна стать закономерным выражением любви к ближнему. Интересно отметить, что пастырские труды, нередко сопряженные со страданиями, в израильском народе парадоксальным образом несли не священники, а пророки и цари. В Ветхом Завете образ «священника-мученика» не встречается, между тем, столь характерная для богословия Ростовского владыки идея страдания и мученичества как высшего проявления любви в «Келейном летописце» применяется именно к священникам.

Если говорить о терминологии [9. с. 7–12], то в подавляющем большинстве случаев в «Келейном летописце» священник называется «пастырем», хотя слова «священник», «пастырь», «учитель» и «начальник» являются взаимозаменяемыми и равнозначными. Однако с точки зрения обязанностей священника, в данном тексте все они – в первую очередь, учительство и молитва – осмысляются свт. Димитрием как пастырское окормление народа представителями духовного чина «освященных» лиц. В поучениях и проповедях слово «священник» используется исключительно при описании ветхозаветных священников и священнодействий, а слово «пастырь» святитель Димитрий использует здесь в самых разных случаях. Так «пастырями» он называет Христа, Божию Матерь, епископов и священников, некоторых святых и даже веру в Бога. В «Поучении к иереям» священник с одинаковой частотой называется «иереем» (30 раз) или «духовником» / «духовным отцом» (27 раз), однако второе чаще всего имеет место в тех случаях, когда речь идет о возможности влияния на жизнь своего духовного чада или об использовании духовнической власти.

Можно сказать, что Димитрий Ростовский был первым в России архиереем, обратившимся в посланиях к приходскому духовенству, причем по такому деликатному вопросу, как общение с прихожанами в рамках исповеди. В представлении свт. Димитрия не всякий исповедующий священник является духовником. Также и не каждый христианин, регулярно участвующий в Таинстве Исповеди, по определению имеет духовника. В

частности, это следует из его поучения «Память духовному отцу как управить ставленника», в котором в качестве первого вопроса к кандидату на рукоположение назван вопрос о том, имеет ли ставленник духовного отца [10, с. 21]? Также в «Почуении к иереям» Димитрий Ростовский призывает священника: «не тщеславиться тем, что для кого-либо ты являешься духовным отцом и что такие-то твои духовные дети... (...). Довольно с тебя того, что все приходящие в твою церковь люди знают тебя своим духовником» [10, с. 22]. Здесь святитель предостерегает духовника от «господственной власти» над духовными детьми. Он подчеркивает, что во время исповеди священник «заступает место Самого Христа» [Там же], но «если и дана от Бога иерею власть вязать и разрешать грехи, то эта власть действует только в то самое время, в которое совершается Таинство Исповеди и покаяния, а после исповедания грехов духовник не должен вспоминать исповеданного, как и власти господственной над духовными детьми иметь не подобает» [Там же]. Показательно, что, разделяя духовную и «господственную» власть, свт. Димитрий подчеркнуто разъединяет священника с гражданской властью. Именно в этом ключе он формулирует требование любой ценой хранить тайну исповеди: «Если бы какой властелин или гражданский суд повелел или еще кто-либо принуждал иерея сказать какой-либо грех своего духовного сына, если бы угрозами, муками и смертью устрашал и убеждал открыть чей-либо грех, то иерей должен скорее умереть и мученическим венцом увенчаться, нежели разрушить печать исповеди и предать известности тайну Божию, объявляя о грехах своего духовного чада» [Там же].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Верховской П. В. Учреждение духовной коллегии и духовный регламент. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1916.
2. Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви // Богословский вестник. 1894. Т. 3 № 9. С. 336–337.
3. Знаменский, П.В. О способах содержания русского духовенства в XVII и XVIII стст. / П.В. Знаменский // Православный собеседник. 1865. – Ч. 1. – с. 145–168.
4. Знаменский П. В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873.
5. Крылов А. «Учитель искусен», а не «идол злат, но бездушен»: каким свт. Димитрий Ростовский желал видеть приходское духовенство // История и культура Ростовской земли. 2013. Ростов, 2014. С. 82–90.

6. Маккавейский Н. К. Св. Димитрий, митрополит Ростовский, как пастырь и пасторолог // Труды Киевской духовной академии. 1910. Ч. 1. № 1. С. 22–64.

7. Павлушков А.Р. Влияние петровских реформ на поведенческую культуру духовенства // Вестник Череповецкого государственного университета 2013. No 4. Т. 2. С. 60–63.

8. Пулькин М. В. Таинство покаяния: проблемы осуществления в XVIII – нач. XX в. (по материалам Олонецкой епархии) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия История 2010. № 2. С. 134–144.

9. Смирнов С. Древнерусский духовник. М., 1913.

10. Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского: В 5 томах. Том I, содержащий в себе разные небольшие сего Святителя творения, с присовокуплением жития его и келейных записок. 6-е изд. – М.: Синодальная Типография, 1839.

11. Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского: В 5 томах. Том II, содержащий в себе поучения на Воскресные дни. 6-е изд. – М.: Синодальная Типография, 1840.

12. Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского: В 5 томах. Том III, содержащий в себе Поучения на разные праздничные дни. 6-е изд. – М.: Синодальная Типография, 1840.

13. Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского: В 5 томах. Том IV, содержащий в себе Летопись, сказующую деяния от начала мира бытия до Рождества Христова. 7-е изд. – М.: Синодальная Типография, 1849.

14. Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). – СПб., 1891.